

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

Н.Г. Колодкин, соискатель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Беларусь, г. Минск)

DOI:10.24412/2500-1000-2025-3-1-125-132

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-прикладные подходы к построению концепций когнитивной войны, которые группируются в четырех условных парадигмах: «утилитарно-военной» (США и Великобритания), «антиэкспансионистская» (Западная Европа), «цивилизационно-идеологическая» (Россия) и «историко-патриотическая» (Беларусь). Показываются их особенности и основные направления разработки. Делается вывод о том, что возникновение феномена когнитивной войны тесно связано с обострением культурно-цивилизационной борьбы между глобальными центрами силы и разным видением ценностно-идеологических основ национального государства и справедливого мироустройства. Подчеркивается важность осмысления.

Ключевые слова: когнитивная война, когнитивное превосходство, когнитивная революция, информационная безопасность, парадигмы исследований когнитивной войны.

Обновленная редакция Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, существенно расширяет спектр стратегических интересов белорусского государства. Предпосылкой для данного шага стало поступательное углубление представлений политического руководства и академического сообщества Беларуси не только о сущности и динамике угроз национальной безопасности, но и об обогащении потребностей личности, общества и государства в современном мире.

Так, в Концепции закреплена мысль о том, что ускоренная трансформация мирового порядка, стремительный научно-технический прогресс, а также совершенствование механизмов стратегического сдерживания приводит к тому, что классические формы и методы вооруженной борьбы дополняются новыми, невоенными инструментами противоборства. Их главной особенностью является способность проникать и наносить ущерб практически во всех областях человеческой деятельности. Передовые технологии деструктивного информационного воздействия и их высшая форма – операции в информационной сфере, обладают настолько разрушительным потенциалом, что имеют возможность через манипулирование ментальными объектами оспаривать собственно основы уникальной исто-

рической общности нашего народа и его право быть единственным источником государственной власти, искажать духовно-нравственные ценности, культурное пространство и историческую память.

В этой связи нельзя не удивляться прозорливости Э. Кастельса, который сказал, что в XXI веке «влияние на умы, формирование сознания – более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения и насилия» [1, с. 9].

Таким образом, в борьбе великих держав за мировое лидерство все большее значение приобретают такие неклассические и невоенные методы ведения противоборства, как когнитивная война (Cognitive Warfare), позволяющая без существенных затрат и ущерба для физической среды решить главную задачу – подчинить своей воле сознание противника.

Формулирование теоретических основ концепции когнитивной войны стало возможным благодаря «когнитивной революции» в гуманитарных исследованиях, которая произошла на рубеже 50-х – 60-х годов прошлого века. В частности, в программах научных исследований значимое место стало отводиться феномену когнитивной информации, как особому виду информации, тесно связанному с процессами познания. Знаковую роль в становлении когнитивного подхода сыграли передовые наработки в области бихевиоризма и

когнитивной психологии, основоположниками которой стали такие ученые, как Б.М. Величковский, М. Вертгеймер, Л. С. Выготский, В. Кёлер, К. Коффка, К. Ц. Левин, Дж. А. Миллер, У. Г. Найссер, А. Ньюэлл, Ж. В. Ф. Пиаже, Г. А. Саймон, Э. Ч. Толмен и другие. Именно когнитивная психология вводит в научный, а затем в экспертный оборот понятия «когнитивная структура» и «когнитивный процесс».

Активное развитие когнитивных наук не осталось вне поля зрения военных специалистов. Анализ открытых источников дает основание для утверждения о том, что проникновение когнитивистики в военную теорию происходило неравномерно в форме четырех условных парадигм: «утилитарно-военной» в США, «антиэкспансионистской» в Западной Европе, «цивилизационно-идеологической» в России и «историко-патриотической» в Беларуси. К сожалению, развитие китайской научной мысли на данном направлении, осталось за пределами нашего исследования из-за отсутствия в открытом доступе каких-либо релевантных источников.

Коротко охарактеризуем данные парадигмы.

Главной отличительной чертой американской «утилитарно-военной парадигмы» стала ее ориентация на тотальную милитаризацию достижений когнитивных наук для удовлетворения жизненно важной потребности США – удержания глобального доминирования.

Начав в 1996 году с концепции «когнитивной иерархии» [2] и анализа причин возникновения дисфункции военно-политического и военного управления [3] американские исследователи подошли к проблематике осмысления когнитивной, ментальной перспективы борьбы.

Ключевую роль в развитии представлений о когнитивной войне в США сыграли такие ученые, как Р. Вальцман, А. Дал, С. А. Грин, Р. Доукинс, С. Блэкмор, П. Николсон, С. Гутманн, И. Эчеварри, Дж. Антулио, С. Ламберт, Б. Клавери, Ф. дю Клузель и др.

В этот период формируются концепции «генных машин» (gene machines), теория мемплексов (memplecs) [4; 5], «культурных программ» (cultural software) [6], моделей радикальных негосударственных акторов, как

динамических систем [7], технологий манипулирования мастер-сюжетами [8] и др.

Р. Вальцман формулирует понятие когнитивной войны как нового способа конструирования реальности для акторов, аудиторий и медиа [9], фиксируя ее выход за пределы собственно военной сущности и вторжение в сферу политического. Автор одним из первых предлагает также ввести в научный оборот понятие «когнитивная безопасность».

На рубеже 2021-2022 годов уже на уровне Североатлантического блока [10-12] происходит формулирование общих подходов к понятиям «когнитивная война» и «когнитивное превосходство». В частности, за исходное определение когнитивной войны принимается следующая трактовка: *«когнитивная война является нетрадиционной формой ведения войны, в которой за счет применения инструментов кибернетических операций подвергаются атаке когнитивные процессы противника, используются его предубеждения или уязвимости в рефлексивном мышлении, провоцируются искажения в процессе мышления, принятия решений и создаются другие препятствия, которые вызывают негативные последствия как на индивидуальном, так и на коллективном уровне»* [10]. Кроме того, закрепляется один из важнейших императивов НАТО на ближайшую перспективу – достижение когнитивного превосходства, которое понимается как *«способность формировать [окружающую оперативную среду], оспаривать и бороться [на международной арене] за счет расширения знания и понимания действий конкурентов, собственных целей и вариантов их достижения»* [12, с. 6].

С точки зрения «антиэкспансионистской парадигмы», концепция когнитивной войны суть инструмент внешней политики США, который используется для подчинения европейской модели развития собственным интересам через гармонизацию международных практик и стандартов по американскому образцу. При этом французский ученый К. Арбюло пишет: *«В отличие от США, европейская стратегия становления в качестве центра силы представляет собой когнитивную войну слабого [Европа] с сильным [США]. Речь идет о том, чтобы перехватить инициативу и способы управления»* [13, с. 13].

Итальянский философ Г. Гаглиано рассматривает когнитивную войну в несколько ином ракурсе [14]. В его трактовке она предстает как способность использовать знания в целях конфликта. Главная линия этого конфликта, как полагает Г. Гаглиано, пролегает между Соединенными Штатами и Европейским союзом, а если более точно – в сфере американо-европейской экономической конкуренции. При этом США стремятся поглотить экономическое пространство ЕС не только за счет традиционных методов конкуренции, но и масштабных когнитивных операций. В ходе данной борьбы американские компании делают акцент на системы производства знаний, которые обеспечивают длительную легитимность контроля за мировыми делами и рынками. Этому же определению придерживаются и бельгийские эксперты в области когнитивного влияния К. Оринкс и Т. С. де Свиеланд [15, с. 8-2].

Существенный вклад в развитие «антиэкспансионистской парадигмы» представлений о когнитивной войне внесли французские ученые Ф. Бомар, К. Арбюло, Ф.-Б. Хюг, Д. Люка, Н. Муане, Ч. Прат, К. Рэнди, А. Тифро и Ж.-М. Валантин [13], которые предметно рассмотрели данный феномен в плоскости конкурентной борьбы американских и европейских транснациональных корпораций. По их мнению, информационная борьба суть наиболее общий концепт, объединяющий в себе множество стратегических практик, среди которых наиболее передовой является когнитивная война. В их понимании, в обобщенном виде, когнитивная война заключается в попытках противоборствующих сторон манипулировать или трансформировать значения символов и знаний.

В противовес «утилитарно-военной парадигме» и понятию «когнитивного измерения» (как совокупности мастер-сюжетов), П. Бомар развивает идею о т. н. «когнитивных аренах», на которых достигается «когнитивное превосходство». При этом первые суть «социальное пространство, где происходит конструирование восприятия мира [представлений об окружающем мире], его проблемах, причинно-следственных связях и его рациональности» [13, с. 36].

Активная разработка феномена когнитивной борьбы западными специалистами не

осталась без внимания российского академического сообщества и отразилась в так называемой «цивилизационно-идеологической» концепции когнитивной войны. На постсоветском пространстве одним из первых, кто обратился к проблематике когнитивной войны стал А. Ю. Полтораков. В частности, он считает, что целью когнитивной войны является так называемый культурный капитал, под которым автор понимает «авторитет общества (народа, нации, государства) в сфере культуры; престиж, статус и, следовательно, власть» [16, с. 129].

В 2015 году в российских источниках научной информации появляется статья В. А. Ачкасовой [17], согласно которой новыми видами политического соперничества становятся когнитивные, семантические и гибридные войны. Как считает исследователь, сущность когнитивного противостояния заключается в преднамеренном воздействии на культурное пространство того или иного государства с целью «закрепления в сознании социума такой ценностной системы, которая позволит сделать жертву легким объектом манипуляций, а подчас и эксплуатации» [17, с. 27].

Понятие семантической войны, как средства когнитивной легитимации власти, рассматривалось в трудах С. П. Поцелуева, А. А. Гааса, А. А. Летуновского [18]. При этом авторы берут за основу теорию П. Бергера, Т. Лукмана и Г. Лассуэлла и рассматривают данный вид войны, как борьбу, которая имеет место «в пространстве одного и того же ключевого символа (концепта)» [18, с. 194].

В свою очередь В. Э. Багдасарян, рассуждая о технологиях государственной деконструкции [19], высказывает идею о возникновении «когнитивного оружия», которое используется для лишения России ее суверенитета, в том числе в области национальной идеологии в науке и образовании. С его точки зрения, информационно-психологическая война отличается от когнитивной. В частности, если первая поражает волю противника, то вторая – его сознание.

Российский ученый В. А. Лепехин рассматривает феномен когнитивной войны как самостоятельное и более сложное явление, чем информационная война. Таким образом,

как считает В. А. Лепехин, информационная война – это «часть масштабной когнитивной войны, направленной на уничтожение смыслов российской цивилизации» [20]. Его мнение также созвучно с идеями, высказанными В. Э. Багдасаряном [19], о том, что в ходе когнитивного влияния происходит насаждение в системе образования государства-жертвы чуждых образовательных стандартов, технологий, лжеценностей для кардинальной трансформации национальных гуманитарных наук и исторического наследия.

В своих работах Г. Г. Почепцов опирается на понятие «когнитивного хакерства», которое направлено на манипуляцию восприятием и поражение сознания противника. Он также считает, что когнитивная война – «это война смыслов ... <...> ... [которые] определяют нашу ментальность и наше поведение» [21]. Г. Г. Почепцов убежден, что в некоторых случаях данный тип войны затрагивает сферу образования и науки, продвигая определенные научные парадигмы, а также методы и модели анализа.

Когнитивную войну, как войну смыслов рассматривают В.Р. Григорьев и В.И. Ковалев [22]. По их мнению, в качестве объекта воздействия в ходе когнитивной борьбы выступают так называемые «мемы», которые отвечают за передачу идеологического кода (систем ценностей), обеспечивают выживание и трансляцию во времени тех или иных идей.

Значительные усилия в освоении нового понятия когнитивной войны прилагали российские военные исследователи А. А. Бартош и А. Г. Лягяго [23-26]. Согласно их позиции, «суть когнитивной войны состоит в том, чтобы используя формы и методы мягкой силы, захватить контроль над группами правящих элит, населением и государством в целом, международными организациями, нанося удары по сознанию и мировоззрению их персонала, как гражданского, так и военного, и воздействуя на него» [26].

В конце 2021 года в военно-научных кругах министерства обороны Российской Федерации возникает концепция ментальной войны. Среди ее приверженцев возможно назвать А.М. Ильницкого, М.О. Маричева, И.Г. Лобанова, Е.А. Тарасова, И. Н. Караваева и др. [27-30]. Указанные исследователи исходят из того, что ментальная война ведется против

национального мировоззрения конкретного государства-жертвы, его ментальных, цивилизационных основ.

В Республике Беларусь проблемы информационной и идеологической безопасности разработаны на достаточно высоком теоретико-методологическом уровне, благодаря трудам Е.М. Бабосова, С.В. Зася, В.Н. Ватыля, В.Ю. Арчакова, А.Л. Баньковского, А.В. Ивановского, С.Н. Князева, Ч.С. Кирвеля, О.С. Макарова, Л.С. Мальцева, В.А. Мельника, Д.А. Мигуна, С.В. Решетникова, Ф.И. Храмцовой и др.

В области отечественных прикладных исследований одно из приоритетных мест занимает изучение социально-гуманитарного измерения современного информационного противоборства. В частности, проблемы формулирования и защиты белорусской национальной идеи, государственной идеологии, исторической правды о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, а также различные аспекты значения гражданско-патриотического воспитания и обеспечения информационной безопасности раскрываются в работах М. С. Абламейко, С.М. Алейниковой, Л.В. Вонсович, А.А. Ковалени, И.А. Марзалюка, С.В. Маслаченко, Д.А. Мигуна, М.П. Оксенюк, Ф.И. Храмцовой и др.

Конкретные факторы и условия, а также технологии ведения информационной борьбы описаны и проанализированы такими белорусскими исследователями, как Н.Е. Бузин, А.Н. Коледа, М.Р. Карпиневич, Д.И. Вержбалович, С.В. Верлуп, А.Н. Гура, В.А. Ксенофонов, О.О. Лемешевски, Л.В. Николаева и др.

Отдельно необходимо выделить вклад Л. С. Мальцева в осмысление проблемы борьбы в информационной сфере с позиций интересов Республики Беларусь [31]. Проведя глубокий ретроспективный анализ феномена вооруженной борьбы, белорусский ученый показал, что в современных условиях пространство разрешения военно-политических конфликтов существенно расширяется за счет конфликтного взаимодействия не только в военной, но и политической, экономической, экологической и, что особенно важно для нашего исследования, информационной и гуманитарной сферах. Следовательно, безопас-

ность Республики Беларусь должна опираться на все составляющие национальной мощи, а оборона государства – носить всенародный характер. Л.С. Мальцев обосновал также точку зрения на роль и место морального фактора в национальном военном строительстве, которые увязаны с ростом значения политических, экономических и информационных средств противостояния. Более того, автор выдвигает и убедительно доказывает гипотезу о том, что цели современной войны могут достигаться и без вооруженной борьбы, например в форме иррегулярной войны или «стратегий непрямых действий», направленных на манипулирование общественным сознанием, разрушение национального интеллекта, культуры, нравственности и духовности противника. По мнению Л. С. Мальцева, инструменты и механизмы информационного деструктивного воздействия достигли такого уровня, что могут самостоятельно использоваться для решения стратегических задач политического масштаба.

Белорусские ученые Ф.И. Храмцова [32], С.Н. Князев [33], В.В. Данилович, другие обосновали научную методологию триады государственной образовательной, молодежной и исторической политики как фактора противодействия угрозам информационной и духовной безопасности Республики Беларусь. В работах Ф.И. Храмцовой и М.А. Ерофеевой [34] доказана факторная роль конструктивного потенциала молодежи Беларуси и России в обеспечении будущего народов. Раскрыт трансмиссионный **механизм патриотической социализации молодежи в воспроизводстве нравственных, семейных и духовных ценностей как базиса духовной безопасности в условиях угроз когнитивной войны.**

По нашему мнению, анализ трудов белорусского академического сообщества дает основания для утверждения о том, что в нашей стране сформировался уникальный подход к осмыслению современных феноменов борьбы в когнитивной сфере, а именно «историко-патриотическая» парадигма, которая базируется на декларации жизненной важности духовного измерения, тесно связанного с категориями исторической памяти и патриотизма, для обеспечения безопасности Республики Беларусь в широком смысле.

Таким образом, научное сообщество продолжает работать над совершенствованием понятийного аппарата, описывающего феномен когнитивной войны и связанные с ним категории. Это обусловлено, с одной стороны, потребностью национальных структур безопасности в осмыслении новых направлений информационной борьбы и выстраивании соответствующих систем защиты, с другой – диалектикой самих процессов, которые постоянно развиваются и усложняются, особенно в контексте повышения напряженности геополитического противостояния на Европейском континенте. При этом остро ставится вопрос о неоднозначности и размытости предлагаемых дефиниций, употребление которых может стать причиной искажений в понимании реальных процессов и замедления развития теоретического знания в данной области.

Кроме того, по нашему мнению, появление нескольких, в некотором смысле конкурирующих, подходов к формулированию концепций когнитивной войны тесно связано с обострением культурно-цивилизационной борьбы между глобальными центрами силы и разным видением ценностно-идеологических основ национального государства и справедливого мироустройства. Толчком к началу своеобразной «гонки концепций» когнитивной войны стала попытка США обеспечить свое безраздельное доминирование в когнитивном измерении, что отразилось в «утилитарно-военной» парадигме исследований данного феномена. Естественно, подобные устремления не остались без рефлексии со стороны других центров силы, что обусловило возникновение «антиэкспансионистской» (Западная Европа), «цивилизационно-идеологической» (Россия) моделей когнитивной войны.

Масштабные потрясения геополитического характера, а также обострение борьбы в информационном пространстве напрямую затронули Республику Беларусь. Вместе с тем уникальные основы исторической общности белорусского народа создали решающие предпосылки для выхода нашей страны из периода политической турбулентности и предопределили главенство «историко-патриотических» установок в отношении национальных стратегий защиты от информационной

агрессии в целом, и когнитивной войны в частности.

Очевидно, что в ближайшей перспективе напряженность противоборства на международной арене будет только повышаться, создавая новые источники угроз для национальных государств, последовательно отстаивающих свою историческую и культурную иден-

тичность. В этой связи актуализируется необходимость углубления научно обоснованных взглядов на обеспечение информационной безопасности, конкретизации и детализации подходов к данной деятельности в целях создания эффективной системы защиты национальных интересов Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс; под ред. А.И. Черных; пер. с англ. А.А. Архиповой. – 3-е изд. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 590 с.
2. Information operations: order of the Department of the Army 27 Aug. 1996 № FM 100-6 // BITS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archive/fm100-6\(96\).pdf](https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archive/fm100-6(96).pdf).
3. Dahl A.B. Command dysfunction: minding the cognitive war: a thesis / Dahl Arden B.; School of Advanced Airpower Studies, Air Univ. – Maxwell Air Force Base, 1996. – IX, 143 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=73ebda8193116c15a3ea35ed6fb1b4bca636037a>.
4. Dawkins R. The selfish gene. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. – XXIII, 360 p.
5. Blackmore S. The meme machine. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – XX, 264 p.
6. Balkin J.M. Cultural software: a theory of ideology. – New Haven: Yale Univ. Press, 1998. – XII, 335 p.
7. Thomas, T.S. Violent non-state actors: countering dynamic systems / T.S. Thomas, W.D. Casebeer // Strategic Insights. – 2004. – Vol. 3, № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/si/si_3_3/si_3_3_tht01.pdf.
8. Craig D.R. Cultural kesselschlacht: deep battle in the cognitive dimension: a monograph. – Fort Leavenworth: School of Advanced Military Studies: US Army Command a. Gen. Staff College, 2019. – 41 p.
9. Waltzman R. The weaponization of information: the need for cognitive security. – Santa Monica: RAND Corporation, 2017. – 8 p.
10. Cognitive warfare: the future of cognitive dominance: First NATO sci. meeting on Cognitive Warfare (France), 21 June 2021 / E. Autellet, N. Buchler, B. Claverie [et al.]; sci. ed.: B. Claverie [et al.]. – Bordeaux: NATO-CSO-STO, 2022. – XVIII, 98 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare-Symposium-ENSC-March-2022-Publication.pdf>.
11. Cognition Workshop. Innovative solutions to improve cognition / L. Aronhime, M. Crespi, A. David [et al.]. – [S.l.: s.n.], 2021. – 36 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.konjunktion.info/wp-content/uploads/2021/10/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf>.
12. The NATO Warfighting Capstone Concept: key insights from the Global Expert Symposium summer 2020 / T. Sweijts, F. Osinga, S. Zilincik [et al.]. – Hague: The Hague Centre for Strategic Studies, 2020. – 12 p.
13. La guerre cognitive: l'arme de la connaissance / P. Baumard, C. Harbulot, F.-B. Huyghe [et al.]; sous la direction de C. Harbulot, D. Lucas. – Paris, 2002. – 255 p. – (Renseignement & guerre secrète).
14. Gagliano G. The cognitive warfare: aspects of new strategic thinking / G. Gagliano // Modern diplomacy. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moderndiplomacy.eu/2018/03/05/cognitive-warfare-aspects-new-strategic-thinking/>.
15. Orinx K. La guerre cognitive – Pourquoi l'occident pourrait perdre face à la Chine? / K. Orinx, T.S. de Swielande // Cognitive Warfare. La guerre cognitive: première réunion scientifique sur la guerre cognitive à Bordeaux (FR), 21 juin 2021 / sous la direction sci. de: B. Claverie, B. Prebot, F. du

Cluzel. – Bordeaux, 2021. – Chap. 8. – P. 8-1–8-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hal.science/hal-03424962/document>.

16. Полтораков А.Ю. «Когнитивные войны»: парадигмальные трансформации политико-информационных противостояний / А.Ю. Полтораков // АШПИ: Алтайская школа политических исследований. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1563>.

17. Ачкасова В.А. Информационная война: новые виды и формы ведения / В.А. Ачкасова // Российская школа связей с общественностью. – 2015. – № 7. – С. 24-31.

18. Поцелуев С.П. Семантическая война в пространстве ключевого символа: к теории актуального феномена / С.П. Поцелуев, А.А. Гаас, А.А. Летуновский // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 194-200.

19. Багдасарян В.Э. «Когнитивное оружие» как инструмент десуверенизации / В.Э. Багдасарян // Конт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cont.ws/@sulakshin/257649>.

20. Лепехин, В. Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить / В. Лепехин // РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160426/1420518962.html>.

21. Почепцов Г. Когнитивная война и когнитивная безопасность / Г. Почепцов // Psyfactor. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sb.psyfactor.org/psyops/cognitive-war.htm>.

22. Григорьев В.Р. Когнитивные воздействия как инструментарий ведения гибридной войны против России / В.Р. Григорьев, В.И. Ковалев // Информационные войны. – 2021. – № 4. – С. 77-87.

23. Бартош А.А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая: от Геббельса и Мюнценберга к современным информационным битвам / А.А. Бартош // Viperson. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/gibridnaya-skrytnaya-nepredskazuemaya>.

24. Бартош А.А. Серый занавес сомкнулся вокруг России / А.А. Бартош // Независимое военное обозрение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/wars/2021-12-09/1_1169_aggression.html?print=Y.

25. Бартош А.А. Стратегия гибридной войны – это не оружие, это влияние / А.А. Бартош // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/analytics/strategiya-gibridnoj-vojny-eto-ne-oruzhie-eto-vliyanie/>.

26. Бартош А.А. Отпор когнитивной агрессии / А.А. Бартош, А. Г. Летяго // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/vojny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/otpor-kognitivnoj-agressii/>.

27. Ильницкий А.М. Ментальная война России / А.М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33.

28. Ильницкий А.М. Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности / А.М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 1. – С. 6-21.

29. Маричев М.О. Борьба за ментальность – тренд современной войны / М.О. Маричев, И.Г. Лобанов, Е.А. Тарасов // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 48-55.

30. Караваев, И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии / И.Н. Караваев // Военная мысль. – 2022. – № 3. – С. 35–42.

31. Мальцев Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность. – Мн.: Асобны Дах, 2003. – 245 с. – ISBN 985-6697-32-8.

32. Храмцова, Ф.И. Патриотизм как фундамент образования средствами идеологической политики в Республике Беларусь / Ф.И. Храмцова, // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №8-3. – С. 41-48.

33. Храмцова Ф.И., Князев С.Н. Патриотическая социализация как цель государственной образовательной, молодежной и исторической политики в Республике Беларусь / Ф.И. Храмцова, С.Н. Князев // РОДИНА: ЗЕМЛЯ, НАРОД, ТРАДИЦИЯ – материалы межд. научн.-просветит. конф. / Отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, изд-во ООО «ВЕСИ», 2022. – С. 72-77.

34. Храмцова Ф.И. Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства: монография, изд. 2-е, дополненное / Ф.И. Храмцова, М.А. Ерофеева – Москва. Саратов. 2023. – 366 с.

MAIN PARADIGMS OF COGNITIVE WARFARE RESEARCH**N.G. Kolodkin**, *Postgraduate Student***Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus
(Belarus, Minsk)**

Abstract. *The article examines theoretical and applied approaches to the construction of concepts of cognitive warfare, which are grouped into four conditional paradigms: "utilitarian-military" (USA and Great Britain), "anti-expansionist" (Western Europe), "civilizational-ideological" (Russia) and "historical-patriotic" (Belarus). Their features and main directions of development are shown. It is concluded that the emergence of the phenomenon of cognitive warfare is closely related to the aggravation of the cultural and civilizational struggle between global centers of power and different visions of the value-ideological foundations of the national state and a just world order. The importance of understanding is emphasized.*

Keywords: *cognitive warfare, cognitive superiority, cognitive revolution, information security, paradigms of cognitive warfare research.*